

погибѣватисѧ на нѣбо, что такіа важныѧ и хорѡшіѧ желаніѧ, достѡйныѧ вещи, ѿ очей нашихъ оутайло и сокрыло: но не мѣнѣе и благодарить нѣбо должно, что и наши немощи покрываѣтсѧ какъ покровъ. Чего то поды небесѣмъ на свѣтѣ ни дѣѣтсѧ, что бы люди ни творили: а нѣбо все то покрываѣтсѧ. Только нѣбо знаетсѧ, да земаля. Слово, нѣбо, происходитъ ѿ закрѣпленія, ѿ сокровенія.

Таинство виждь, нѣбо вертепъ, или иже нѣбо въ вертепѣ. Вертепное дѣхъ нѣбо, что также въ себѣ закрываѣтсѧ и сокровиваѣтсѧ; Сокровиваѣтсѧ внѣтренность таинства, сокрыло въ себѣ богатство неощущенное, ѡпредѣленное на исполненіе наше, Кровь Христовѧ въ младенческихъ егѡ членахъ: не тѣлнымъ бо златомъ испусти тсѧ глаголетъ Писаніе, но честною кровію "Агнца непорочна (а Петр. гл. 1). Сокровивъ въ себѣ Бога съ небесными чинми, сѣ есть таинство и сокровенность. Малый вертепъ, великіа въ себѣ вмѣстѣиѧ вещи, невмѣстимыѧ цѣлымъ свѣтомъ, и неограниченныѧ!

Можно здѣсь ѡ вертепѣ сѣмъ сказать оное, что свѣтѣишій Макарій Егѣпетскій разглагольствуетъ ѡ чело-вѣческомъ сердцѣ, пишетъ бо такъ: Сердце сосѣдъ малъ есть, но въ немъ пріѣты бывають всѧ вещи: тамъ Богъ, тамъ Ангелы, тамъ животъ и царство, тамъ небесныѧ грады, тамъ сокровища благодати. Подобно можемъ сказать ѡ вифлѣемскомъ вертепѣ: Вертепъ малъ есть, но въ немъ вмѣщаются великіа вещи: тамъ Богъ въ лицѣ Христовомъ, тамъ животъ и царство и сокровища благодати. Вокругъ егѡ Ангелы, да и свѣтѣишій Іѡсифъ, чистъ дѣшею ѡбо ангелъ, въ лицѣ пречистой Дѣвы небесныѧ грады: Преславноѧ глаголаша ѡ тебѣ, граде Божій! Такъ-то великіа вещи нѣбо вер-